

УДК 1(091)

И.А. Колиева

ТЕОРИИ Ж. ДЕЛЕЗА И Ф. ГВАТТАРИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОСТМОДЕРНОЙ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

*Колиева Ирина Анатольевна – аспирантка кафедры философии и социологии
Днепропетровского национального университета железнодорожного
транспорта им. академика В. Лазаряна*

В статье рассматривается влияние теорий Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в частности шизоанализа, на становления категории субъективности в западной постмодерной культурной ситуации.

Ключевые слова: *субъект, шизоанализ, «машины желания», «тело без органов», психоанализ, сексуальность, комплекс Эдипа.*

В статті розглядається вплив теорій Ж. Дельоза та Ф. Гваттарі, зокрема шизоаналізу, на становлення категорії суб'єктивності в західній постмодерній культурній ситуації.

Ключові слова: *суб'єкт, шизоаналіз, «машини бажання», «тіло без органів», психоаналіз, сексуальність, комплекс Едипа.*

The article deals with the influence of the theories of G. Deleuze and F. Guattari, shizoanalysis in particular, on the formation of the category of subjectivity in the Western postmodern cultural situation.

Key words: *subject, shizoanalysis, desiring machines, body without organs, psychoanalysis, sexuality, Oedipus complex.*

Постановка проблемы. Проблема становления и интерпретации категории субъективности занимает особое место в работах современных зарубежных и отечественных философов. Одним из направлений современного постмодернизма, в целом, и постструктурализма, в частности, которое в той или иной степени рассматривает данную проблему, является шизоанализ,

ключевым теоретическим материалом которого несомненно выступает двухтомное сочинение Жюль Делеза и Феликса Гваттари «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». В своем предисловии к «Анти-Эдипу» Мишель Фуко выдвинул тезис о том, что, если брать отдельно взятый отрезок времени, то именно для этого отрезка всегда существует определенный тип правильного мышления, определенный стиль политического дискурса, определенная этика интеллектуала. Говоря о современности, Фуко отмечает в качестве отличительных особенностей нынешней эпохи ее фрагментарность и отсутствие надежды. В связи с этим Фуко предостерегает от трех основных опасностей, которые мешают человечеству достигнуть свободы, а именно фашизма, психоанализа и политического аскетизма. Для Фуко фашизм есть повседневным явлением жизни человека, который любит власть и находит удовлетворение во всем том, что господствует над ним и эксплуатирует его. Опасность психоанализа и семиологии Фуко видит в порождении «жалких инженеров желания», которые стремятся свести «множественную организацию желания к бинарному закону структуры и нехватки» [1, с. 7]. Наконец опасность политического аскетизма заключается в попытке сохранения и навязывания чистого порядка политики и политического дискурса. Индивид, согласно Фуко, есть продуктом власти, целью которого должно стать стремление «деиндивидуализации» себя [Ibid, с. 9].

Изложение основного материала исследования. В своей первой главе «Желающие машины» Делез и Гваттари выдвигают тезис об отсутствии необходимости различия человека и природы, поскольку как человеческая сущность природы, так и природная сущность человека проходят свое отождествление в природе как производстве или промышленности, согласно терминологии философов, которое и есть родовой жизнью человека. Ученые выдвигают концепт «машины» – сложного гетерогенного образования, которое находится в состоянии постоянной трансформации, комбинаторной замены собственных элементов. «Машинами», по мнению Гваттари и Делеза, могут быть социальные тела, психологические, культурные, эстетические формации.

Совокупность общественных «машин» в целом обеспечивает процесс так называемого «гетерогенезиса» – создания все новых сингулярностей. Этот процесс противостоит массовой культуре, так как приводит к созданию все новых форм субъективности. Человек для Делеза и Гваттари не является царем природы, он скорее вовлечен в природу, «заряжен» ее созданиями, и непрерывно подключает машину-орган к машине-энергии, таким образом, человек предстает в качестве «вечного служителя машин вселенной» [Ibid, с. 17]. Человек и природа рассматриваются философами не в причинно-следственной связи, а скорее в терминах экономики как единая реальность производителя и произведенного. Желание выступает как некий имманентный принцип, необходимый для нормального и продуктивного функционирования производства как процесса, а поскольку желание выступает основополагающей категорией шизофрении, то шизофреник – это представитель Homo natura – человек-природа, то есть некий универсум производящих и воспроизводящих желających машин, первичное универсальное производство [Ibid, с. 18]. Характеризуя современное капиталистическое общество как общество, разорванное внутренними противоречиями, Делез и Гваттари делают ключевым понятием своей системы «шизофрению». Шизофрения отдельного человека рассматривается как естественный аналог разорванности общества.

Согласно Делезу и Гваттари, субъект производится посредством противопоставления желających машин и тел без органов. Концепция тела без органов, разработанная учеными в «Анти-Эдипе», представляет собой изменяющийся общественный массив желаний человека. Философы отмечают множественность тел без органов, объясняя это многообразием форм желания, обусловленных большим количеством индивидов, которые это желание воплощают. Субъект, по Делезу и Гваттари, всегда децентрирован, у него нет постоянной идентичности, он всего лишь придаток или же дополнительная деталь желającej машины. Субъект постоянно озабочен поиском собственного центра, он не осознает, что сам является частью круга, который подвергается внешнему воздействию со стороны других индивидов, неким колебаниям,

которые, проходя через индивида, мимолетно меняют индивидуальность человека. В центре этого круга находится машина желания, «безбрачная машина вечного возвращения» [Ibid, с. 40-41].

Философы, рассматривая желание как ключевой фактор приобретения, определяют его как нехватку реального объекта, отмечая психическую реальность произведенного желанием объекта. Если желание является нехваткой реального объекта, то сама его реальность состоит в «сущности нехватки», которая производит фантазматический объект. Желанием, проинтерпретированным как производство фантазмов, занимался психоанализ. На самом низком уровне интерпретации, отмечают Делез и Гваттари, это означает, что реальный объект, которого не хватает желанию, в свою очередь отсылает к внешнему натуральному или социальному производству, тогда как желание внутренне производит некое воображаемое подобие, которое дублирует реальность, как если бы «за каждым реальным объектом имелся предмет мечтаний». При этом ученые отмечают, что желание и его объект составляют одно целое, но субъект не достигает желания или же в желании отсутствует постоянный субъект, так как постоянный субъект бывает лишь благодаря подавлению [Ibid, с. 47-48]. Гваттари и Делез объявляют войну психоанализу, обвиняя его в неверной репрезентации семьи, чувства, желания. Говоря о сексуальности, философы подвергают нещадной критике идеи психоанализа с его стремлением объяснить все посредством психоаналитических интерпретаций различных комплексов, приводя слова известного английского писателя Дэвида Лоуренса о том, что «психоанализ намеревается заключить сексуальность в диковинную шкатулку с буржуазными узорами, в некий совершенно отвратительный искусственный треугольник, который задушит любую сексуальность как производство желания, чтобы уже по-новому сделать из нее «маленький грязный секрет», семейный секретик, интимный театр вместо фантастического завода, Природы и Производства» [Ibid, с. 81]. Осуждая психоанализ за ограниченность сферой семейных отношений, исследователи делают объектом рассмотрения социальные

отношения, ставя на место Эдипова комплекса связь «Я» со «Сверх-Я». Философами отмечается тот факт, что Мишель Фуко сумел определить, насколько отношение безумия с семьей было основано на развитии, затрагивающем всю совокупность буржуазного общества XIX века и доверяющем семье функции, благодаря которым оценивалась ответственность ее членов и их вероятная виновность. Фуко отмечает, что в той мере, в какой психоанализ прикрывает безумие «родительским комплексом» и находит признание вины в фигурах наказания самого себя, которые проистекают из Эдипа, он не придумывает ничего нового, а завершает то, что было начато психиатрией XIX века, – возведение семейного моралистического дискурса душевной патологии, связывание безумия с «наполовину реальной, наполовину воображаемой диалектикой Семейства», расшифровку в безумии «непрестанного покушения на отца», «глухого сопротивления инстинктов непререкаемости институту семьи и наиболее архаическим символам» [3].

Делез и Гваттари указывают на насильственную эдипизацию общества практикой психоанализа. Несмотря на то, что не представляется возможным дать однозначную формулировку комплексу Эдипа, не вызывает сомнения тот факт, что посредством него психоаналитик имеет дело только с желающими машинами. Авторы отмечают насильственное введение Эдипа в интерпретацию им бессознательного. Философы обращают внимание на тот факт, что Эдип и вместе с ним родительская тема чужда учению Фрейда, но, тем не менее, постоянно навязывается им как ключевая.

Делая из Эдипа критерий сексуальности в анализе, Фрейд сам задал всю совокупность общественных и метафизических отношений в качестве некоего последствия или потусторонности, которые желание неспособно инвестировать непосредственно. В таком случае становится неважным, происходит ли эта потусторонность из семейного комплекса посредством аналитической трансформации желания или же она обозначается им в мистической символизации [1, с. 95].

Авторы отмечают, что основной целью Фрейда было намерение выявить нехватку чего-то у двух полов как ключевой фактор бессознательного, чтобы впоследствии обосновать исключительное использование дизъюнкций: ты девочка или мальчик? Этот принцип широко применялся Фрейдом для интерпретации комплексов Эдипа и кастрации у мальчика и у девочки. Кастрация, по Фрейду, – это одновременная и общая участь обоих полов, то есть превалирующий и трансцендентный Фаллос, и исключительное распределение, которое представляется у девочек в качестве желания пениса, а у мальчиков – в качестве страха его потерять или же отказа от пассивной позиции. Целью подобного общего фактора должна была стать возможность обоснования исключительного использования дизъюнкций бессознательного и, что самое главное, принятие покорности: покорности Эдипу, покорности кастрации; девочек – отказу от желания пениса, мальчиков – отказу от мужского протеста, то есть, «принятию пола» [Ibid, с. 98]. Делез и Гваттари отмечают тот факт, что у двух полов нет ничего общего, и в то же время они непрерывно сообщаются друг с другом, в том пересекающемся режиме, в котором каждый субъект, обладая двумя отделенными друг от друга полами, непрерывно сообщается с тем или другим полом какого-то иного субъекта.

Исходя из концепции Фуко, противопоставляющего господству культурного бессознательного деятельность социально отверженных, Делез и Гваттари выдвигают понятие «шизофрениа» как основное освободительное начало личности в ее противостоянии «больной» цивилизации капиталистического общества. Говоря о шизофрении, Делез и Гваттари настаивают на том, что шизофреник не просто бисексуален, он не между полами и не интерсексуален, он транссексуален. Он не отождествляет противоположность с одним и тем же, он утверждает их удаленность друг от друга в качестве того, что соотносит их друг с другом в качестве различных терминов. Он не замыкается на противоречивых терминах, наоборот, он открывается, разбрасывая их в качестве множества сингулярностей, которые стали точками-знаками.

Авторы признают правоту Фуко, который сказал, что психоанализ определенным образом выполнил то, что клиническая психиатрия XIX века поставила себе в качестве задачи, а именно – припаять безумие к семейному комплексу, связать его с «наполовину реальной, наполовину воображаемой диалектикой семьи»: создать микрокосм, в котором символизируются «крупнейшие массивные структуры буржуазного общества и его ценностей»: Семья – Ребенок, Ошибка – Наказание, Безумие – Беспорядок.

Философы считают, что не существует Эдипова треугольника, поскольку Эдип всегда открыт во все четыре стороны общественного поля. Делез и Гваттари называют Эдипов треугольник плохо замкнутым треугольником, взорванным треугольником, из которого, направляясь к совсем иным местам, ускользают потоки желания. Семья никогда не является микрокосмом в смысле некоей автономной фигуры. Семья по своей природе вынесена из центра, децентрирована. Семья срезана срезами, которые мешают ей стать чем-то «внутренним», но которые сами по себе не являются семейными – религия, война и т.д. – все это формирует комплексы бессознательного, куда более действенные, чем извечный Эдип. Эти структуры существуют не в духе, не в культуре, а в непосредственной реальности [Ibid, с. 149].

Называя шизоанализ политическим и общественным психоанализом, воинствующим анализом, авторы обращают внимание на задачу шизоанализа, которая заключается в стремлении показать наличие бессознательного либидинального инвестирования историко-общественного производства, отличного от тех сознательных инвестирований, которые сосуществуют с ним. Шизоанализ ставит себе задачу разобрать выразительное Эдипово бессознательное как нечто искусственное, репрессивное и подавленное, опосредованное семьей, чтобы достичь непосредственного производящего бессознательного.

Выводы. Таким образом, характеризуя современное капиталистическое общество, Делез и Гваттари делают ключевым понятием своей системы шизофрению. «Шизоанализ» противопоставляет шизофрению не душевному

здоровью, но паранойе, поскольку шизофреник осознает свое безумие, а параноик – нет. В шизофреническом дискурсе – термине, введенном Делезом и Гваттари, капитализм одновременно «декодирует и аксиоматизирует» денежные потоки, представляющие собой шизофреническую реальность. В этом смысле шизофрения есть внешний предел капитализма, поскольку ему постоянно приходится переводить на собственный язык шизофренические декодирования. Подлинный художник, по представлению авторов «Анти-Эдипа», неизбежно «шизоидная» личность, и в своем неприятии общества эта личность обращается к шизофреническому дискурсу – к языку, ставящему под вопрос правомочность языка общепринятой логики и причинно-следственных связей, к языку абсурда и парадокса [2].

Шизофреник – не революционер, но шизофренический процесс составляет потенциал революции. «Социально отверженные» (не только безумцы, больные, преступники, а также творческие люди – поэты, писатели, художники) противостоят в шизофреническом дискурсе господству культурного бессознательного, и в этом смысле шизофрения – основное революционное начало личности. Психический субъект, субъект, который «постигает» только посредством «различия» и «различения», – это теоретическая сфера, «колонизированная», как сказал Ф. Джеймсон, понятием идеального шизофреника, введенного Делезом и Гваттари [4, p. 345]. Эта конструкция идеального, предпринятая в «Анти-Эдипе», связана прежде всего со сферой этических, а не политических или экономических задач и целей, хотя ее лозунгом были «различия», их важность и то, о чем они свидетельствуют.

Литература:

1. Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
2. Ильин И.П. Жиль Делез и проблематика бесструктурности желания // Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – с. 96-119.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко. – СПб., 1997. – с. 479-480.
4. Jameson F. Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism / Frederic Jameson. – London, New York: Verso, 2009. – 438 p.